

Цзян Янь загнул указательный палец и щелкнул по покрытому черным лаком медному замку.

Хотя он ничего не спросил у Вэй Цзи, смысл был очевиден — ему ужасно хотелось узнать, какое сокровище спрятано внутри.

Заметив, что Цзян Янь заинтересовался, Вэй Цзи не стал ничего утаивать:

— Внутри то, что милостиво пожаловал Его Высочество.

Он боялся, что два домашних проказника случайно разобьют вещицу, поэтому и запер её в шкатулку.

Цзян Янь отложил в сторону фигурку для теневого театра:

— А что там есть? Открой, я посмотрю.

Вэй Цзи вытащил из кошелька ключик и немного отодвинулся вглубь постели, чтобы удобнее было отпереть медный замок.

За эти годы Цзян Янь преподнес Вэй Цзи немало вещиц, и теперь все они аккуратно хранились в шкафу.

Как-то раз ему подарили нефритовую пластинку размером с пол-ладони, с нежной и теплой на ощупь текстурой, и теперь она тихонько лежала в аккуратном маленьком шкафчике.

Там же находились восточная жемчужина размером с медную монету, подвеска из бирюзы, бусина дзи, подзорная труба и нефритовое жуи. Цзян Янь даже отдал Вэй Цзи свой собственный нефритовый кулон, который носил много лет.

Разумеется, дары Цзян Яня не ограничивались одной лишь шкатулкой: редкие древние фолианты, свитки с каллиграфией и живописью, а также крупные вещи хранились в других местах.

На уголке глаза Вэй Цзи, у самого края брови, красовалась крошечная круглая родинка. Когда он опускал веки, эта яркая алая точка завораживающе западала прямо в душу Цзян Яню.

Помимо этих драгоценностей, Вэй Цзи бережно сохранял и всякие мелочи, которые наследник дарил ему на ходу: даже если это была просто мертвая бабочка, он засушивал её, а затем заливал расплавленным янтарем, чтобы навечно сберечь.

Эту синюю бабочку Цзян Янь случайно заметил прошлой зимой в заднем саду.

Он до того привязался к нему, что решил сохранить даже какую-то бабочку.

Но оберег, который Вэй Цзи выпросил для него, Цзян Янь, несмотря на всё свое неверие в богов и духов, все равно носил при себе.

Зимой живые бабочки попадались редко, и, сочтя находку диковинной, он поймал её и отнес в оранжерею, где они вместе с Вэй Цзи ухаживали за ней несколько дней.

В Монастыре Фуинь Вэй Цзи зажег лампаду за упокой души его матери, а каждый год ходил в обитель, чтобы вознести молитвы и испросить у богов мира и благополучия для своей семьи.

В первые годы, стоило Цзян Яню раздобыть какую-нибудь редкую вещицу, он тут же дарил её Вэй Цзи, но в последние два года выбор стал разнообразнее, и иногда Вэй Цзи, получая очередной дар, лишь недоуменно хлопал глазами, совершенно не понимая намерения дарителя.

Хотя в оранжерее топили подземные каналы-теплотрассы и держали множество цветов, чтобы насекомому было чем питаться, бабочка все равно погибла сразу после первого зимнего снега.

Уши Цзян Яня потихоньку залились краской смущения. Он развязал на поясе мешочек, достал оттуда какую-то вещицу и с напускной неловкостью произнес:

— То, что ты мне подарил, я тоже храню.

Вэй Цзи придерживался мнения, что и милость, и гнев монарха — всё есть императорская благодать, и не предавался лишним размышлениям. Однако от такого взгляда и вопроса Цзян Яня его сердце вдруг сделало пару быстрых ударов.

Цзян Янь испытывал легкое разочарование: он ведь собирался поймать еще одну, заставить их спариться и отложить яйца, а потом, когда гусеницы превратятся в бабочек, преподнести их Вэй Цзи.

Поглаживая янтарную бабочку, Цзян Янь поднял глаза на Вэй Цзи:

— Почему это ты всё сохранил?

Цзян Янь совершенно не верил в богов и Будду, а из-за предыдущего императора, помешанного на поиске бессмертия и пути Дао, даже испытывал отвращение к даосским жрецам, заодно не питая особого трепета и к буддизму.

Его глаза влажно блестели, а подрагивающие длинные ресницы напоминали мягкие перышки, которые касались самых потаенных уголков чужого сердца.

— Я... — у Вэй Цзи заплелся язык, и он запинкой добавил: — Раз Его Высочество дарит, ваш слуга, разумеется, должен должным образом беречь подарок.

Сблизившись с Цзян Янем за последнее время, Вэй Цзи тоже стал иногда спрашивать для него охранные амулеты, но он никогда не видел, чтобы Цзян Янь носил их, и потому думал, что тот не принял подарок всерьез.

Вэй Цзи опустил взгляд: в руке оказался сложенный треугольником защитный талисман.

Встретившись с влажными, застенчивыми и полными робкого смущения глазами Цзян Яня, Вэй Цзи торопливо потупил взор и едва слышно произвел:

— Тогда... в следующем году ваш слуга снова попросит амулет для Его Высочества.

Он поднял с уголка кровати янтарную бабочку и поднес её к солнечному свету: синее крылатое создание просвечивало до мельчайших прожилок, словно покрытое тончайшей желтоватой глазурью.

Цзян Янь сдавленно сглотнул и глухо отозвался:

— Угу.

Помолчав немного, Вэй Цзи снова заговорил:

— Благодарю Его Высочество за то, что выпросили у Ее Величества Императрицы дарственную надпись.

Его бабушка имела титул пожалованной знатной матроны, а в династии Даюн существовал подробный свод правил для подобных пожалований. По случаю столь круглых юбилеев Министерство ритуалов направляло в поместье императорский дар.

Иероглиф долголетия, написанный рукой императрицы, Цзян Янь наверняка выпросил специально.

Он сделал это не только ради того, чтобы поддержать престиж Поместья маркиза, но прежде всего ради самого Вэй Цзи.

Госпожа Вэй — старшая в роду — всегда недолюбливала мать Вэй Цзи, а заодно презирала и этого косноязычного старшего внука законной жены.

Но с тех пор, как он стал компаньоном наследника по учебе и заслужил благосклонность Цзян

Яня, его положение в Поместье маркиза заметно улучшилось, и в последние годы госпожа Вэй обращалась с ним куда ласковее.

Цзян Янь легко фыркнул:

— Подумаешь, какая вещь — всего лишь каллиграфический свиток. Если хочешь, я попрошу мою матушку написать еще один в день твоего рождения.

Сердце Вэй Цзи замерло:

— Нет, не нужно.

Цзян Янь с бегающим взглядом посмотрел на Вэй Цзи:

— Тогда я сам тебе напишу.

Вэй Цзи опешил, а затем судорожно кивнул.

Уголки губ Цзян Яня чуть приподнялись. Он вернул охранный амулет в мешочек и привязал его к поясу.

Бросив взгляд на сложенное у края постели одеяло, Цзян Янь поддался внезапному порыву, притянул его к себе и накрылся с головой.

Видимо, не ожидая, что Цзян Янь уляжется на ложе, постель не успели сменить на свежую.

Поэтому, когда Цзян Янь откинул его одеяло и даже дважды забавно шевельнул носом, Вэй Цзи испуганно вздрогнул, опасаясь, что от ткани исходит какой-то странный запах.

Повздыхав носом, Цзян Янь ничего не сказал. Устроившись на кровати Вэй Цзи, он натянул ватное одеяло повыше, закрывая лицо так, что видны оставались лишь темные продолговатые глаза.

Спрятанный с ног до головы юноша совсем не походил на своего прежнего заносчивого себя, а в том, как он украдкой поглядывал на Вэй Цзи, проскальзывало нечто удивительно послушное.

Вэй Цзи неподвижно замер на краю, и лишь спустя долгое время осторожно спросил:

— Его Высочество утомился?

Цзян Янь только собрался ответить, как вдруг уловил какой-то неуловимый, особый аромат, заставивший его вздрогнуть и нетерпеливо подскочить на месте.

Запах тут же исчез, но Цзян Янь, ведомый инстинктом, потянулся на источник.

Вэй Цзи не успел и глазом моргнуть, как Цзян Янь прижался к нему. Он невольно отклонился назад, плечом упершись в деревянную спинку кровати, а перед ним оказался нависший Цзян Янь.

Вэй Цзи почувствовал себя так, будто его впились клыки свирепого зверя; его зрачки мелко задрожали, а дыхание оборвалось.

Цзян Янь уткнулся носом в изгиб шеи Вэй Цзи, жадно втягивая исходящий от него запах.

От обжигающего дыхания по коже Вэй Цзи побежали мурашки, и он дрожащим голосом выдал:

— Его Высочество?

— От тебя чем-то пахнет, — нахмурившись, произнес Цзян Янь и тут же снова принялся возле самого уха Вэй Цзи.

Он выразился столь невнятно, что Вэй Цзи решил, будто от него исходит какое-то зловоние. Лицо его вспыхло так, словно на него плеснули кипятком, и краска залила кожу вплоть до самых мочек ушей.

Вэй Цзи оцепенело подался вбок, пытаясь хоть немного отстраниться от Цзян Яня.

Но стоило ему сместиться назад хоть на дюйм, как прильнувший к нему человек тут же подавался следом. Вэй Цзи с перепуганным лицом не выдержал и легонько толкнул Цзян Яня в грудь.

Только тогда Цзян Янь пришел в себя. Опустив взгляд, он увидел родинку под глазом Вэй Цзи, черневшую на слегка покрасневшем веке, и эта деталь показалась ему невероятно милой.

Цзян Янь сглотнул слюну, уперся обеими руками о постель по обе стороны от тела Вэй Цзи и стал медленно опускаться ниже.

Вэй Цзи вжался в ложе отступать было некуда. По мере того как Цзян Янь приближался, его тело каменело, плечи съеживались, а лицо уткнулось в собственную грудь.

Он понятия не имел, какой странный дух от него исходит, но чем ближе подвигался Цзян Янь, тем сильнее охватывал его страх, готовый заставить провалиться сквозь землю.

Припав к Вэй Цзи, Цзян Янь смотрел на него с одержимой нежностью. Его губы находились всего в каком-то дюйме от века Вэй Цзи.

И в тот момент, когда они уже почти соприкоснулись, из-за двери донесся голос:

— Обед уже подан.

Вэй Цзи словно очнулся ото сна. Резко оттолкнув Цзян Яня, он кубарем скатился с кровати.

Ледяной холод пронзил стопы и проник в тело, возвращая Вэй Цзи способность соображать от пережитого страха. Глядя на застывшего в растерянности Цзян Яня, он чувствовал себя так, будто его голову поразила молния — от ужаса он не смел даже дышать.

Цзян Янь был наследником престола, государем в будущем, и даже просто толкнуть его в испуге казалось в глазах Вэй Цзи тягчайшим преступлением.

Цзян Янь и впрямь испугался резкого движения Вэй Цзи, но, сообразив, в чем дело, отвернувшись, повернувшись к нему спиной, с полыхающими до багровости ушами.

Вэй Цзи трясло от страха. Он шевелил губами, но совершенно не знал, что сказать.

Снаружи слуга из поместья снова робко переспросил: подать ли обед во внутренних покоях или накрыть в передней комнате.

Цзян Янь молчал, а Вэй Цзи не смел принимать решения за него, поэтому, набравшись храбрости, тихо окликнул:

— Его Высочество... будем трапезничать?

Только тогда Цзян Янь повернул голову. Заметив, что Вэй Цзи стоит на полу босиком, он нахмурился:

— Не смей ходить босиком, полезай наверх!

Вэй Цзи не смел послушаться его в такую минуту и послушно вернулся на постель, хотя и примостился с самого края.

— Я просто принюхивался к твоему запаху, ничего такого не замышляя, — суховато бросил

Цзян Янь.

Вэй Цзи, натягивавший сапоги, замер, машинально наклонил голову и принюхался к собственному вороту — ничего необычного он не уловил.

Что же это за запах такой, раз заставивший Цзян Яня потерять контроль?

Цзян Яню исполнилось четырнадцать, когда он проявился как янгань — большинство юношей претерпевали это в таком возрасте. Вэй Цзи же было семнадцать, поэтому никому из них и в голову не приходило связать происходящее с подобными вещами.

Вэй Цзи велел слугам накрыть обед в передней комнате. Пока Цзян Янь одевался, он украдкой приподнял рукав и снова понюхал себя — по-прежнему ни малейшего постороннего аромата.

Вэй Цзи всё никак не мог выбросить это из головы, тревога не отпускала его, и во время трапезы он даже не смел садиться слишком близко к Цзян Яню.

Видя, что Вэй Цзи намеренно или случайно держится от него подальше, Цзян Янь был недоволен, но гордость не позволяла ему прямо попросить того сесть ближе.

Потомившись с минуту, он с каменным выражением на красивом лице бросил:

— Рулеты жуи.

Рулеты жуи представляли собой известное блюдо хуэйской кухни: взбитые яйца обжаривались в тонкие золотистые блинчики, на них выкладывался мелко порубленный отборный фарш, после чего всё сворачивалось в форме облачных листьев.

Блюдо стояло как раз под рукой у Вэй Цзи. Услышав приказ, он взял сервировочные палочки и переложил кусочек на тарелку Его Высочества наследника.

Цзян Янь откусил кусочек, а затем снова поднял глаза на Вэй Цзи.

От такого пристального взгляда кожа на лице Вэй Цзи натянулась от напряжения. Он заподозрил, что от него исходит какой-то дурной дух — иначе почему наследник вместо того, чтобы нормально обедать, всё время пялится на него?

Вэй Цзи с неудовольствием качнулся в сторону, но зоркий Цзян Янь тут же заметил это.

Словно поймав воришку, укравшего масло, он нетерпеливился:

— Что ты всё ерзаешь вместо того, чтобы нормально есть?

Вэй Цзи мгновенно застыл на месте.

Наконец-то отыскав предлог заставить Вэй Цзи подвинуться поближе под предлогом слезки за тем, чтобы тот нормально ел, Цзян Янь велел ему пересесть рядом с собой.

Угли в жаровне потрескивали, в комнате стояла духота, и с Вэй Цзи пот катился градом:

— Слуге удобнее трапезничать здесь.

— Чего ты от меня шарашишься?

— Слуга не шарашится... просто боится... вдруг от него исходит какой-то непристойный запах.

Вспомнив свое недавнее поведение, Цзян Янь густо покраснел до корней волос:

— То мне просто показалось.

Вэй Цзи опешил: показалось?

Цзян Янь отвел взгляд:

— Я понятия не имею, откуда взялся этот аромат, может, и впрямь почудилось, во всяком случае, больше от тебя ничем таким не пахнет.

В завершение он добавил фразу, выдавшую его с головой:

— И не смей думать о всякой ерунде.

Услышав про духи, Вэй Цзи немного расслабился и пояснил:

— Возле моей постели висит ароматический мешочек, наверное, это от него.

Цзян Янь резко поднял голову, и его темные глаза блеснули остро, как у ястреба:

— Что за мешочек? Кто тебе его подарил?

От этого взгляда Вэй Цзи даже языком запнулся:

— М-моя... моя младшая сестрица.

Выражение лица Цзян Яня смягчилось:

— Наверное, от него и пахло. Хватит об этом, ешь давай.

Он подцепил палочками рулет жуи, откусил пару раз, и на сердце у него вдруг заскреблось горькое обидное чувство.

Вэй Цзи ведь никогда не дарил ему ароматических мешочков.

Но при мыслях о том, что тот собирается сделать для него тeneвую куклу и каждый год возносит молитвы о его здравии, легкое недовольство растаяло. Он протянул руку и положил в тарелку Вэй Цзи кусок сочного османтусового карпа.

<http://bllate.org/book/18661/1799239>